

Маленький и сильный

Анастасия Яковлева

Анастасия Яковлева
Маленький и сильный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70091098

SelfPub; 2023

Аннотация

Какой силой обладает материнская любовь? Может ли она оберегать от ужасов Катастрофы маленького мальчика? Согревать и дарить надежду всю его жизнь? Об этом узнаете из этого короткого рассказа.

Анастасия Яковлева

Маленький и сильный

Знойный июльский полдень. Просёлочная дорога резво убегает за поворот. Одинокие покосившиеся домишки заросли бурьяном по самые брови наличников. Кряхтя и охая, выстроились они вдоль просёлка. Древние и ветхие – в чём только душа держится?! Кажется, что налетит ветер покрепче, подхватит их как тряпичных кукол, закружит в хороводе и унесёт на небеса обетованные.

Справа виднеется река с крутыми берегами, поросшими пышными зарослями шиповника. Слева, на пригорке – развалины старинного костёла времён Великого княжества Литовского. От былого величия остался только полуразрушенный фасад и боковые стены – безмолвные свидетели и вечные хранители истории. За костёлом, докуда хватает глаз – сочный зелёный луг. Его обрамляют ровные ряды белоствольных берёз.

По синему небу бодро бегут облака причудливых форм. В природе всё журчит, цветёт, крепнет и настойчиво пробивается к жизни. Вокруг тишина и спокойствие.

Рядом с дорогой – небольшая, едва заметная в зарослях луговой травы, гранитная плита. Надпись почти стёрта, но можно разобрать: «Здесь покоятся... 600 человек из гетто в г. Смоляны, расстрелянные фашистами... X.1942 г.»

Плита обнесена низкой оградкой. Лежат поблёкшие венки, сухие цветы и ворох свежих жёлтых хризантем. На скамеечке сидит пожилой мужчина в белой рубашке и льняных брюках. Поджарый и крепкий для своих восьмидесяти с небольшим лет. У него карие глаза, крупный нос, грива белых волнистых волос зачёсана назад. Голову прикрывает вязаная кепка.

Мужчина что-то бормочет и вытирает глаза голубым клетчатым платком. Слов не разобрать, их тут же подхватывает и уносит ветер. «Тислах ли бевакаша», «антшульдикт», «тода раба», «аданк»* несутся над лугами. Старик не видит буйства красок природы. Перед его глазами чёрно-белая картина с выключенным звуком.

Промозглое октябрьское утро. С ночи зарядил дождь. Тяжёлые серые облака еле-еле ползут по небу. Деревья уже облетели. Трава пожухла. Земля превратилась в грязь.

По центральной улице Шкловской немецкий конвой ведёт большую колонну людей. Вокруг бледные лица, бесцветные одежды с жёлтыми звёздами Давида. Женщины, дети, старики, мужчины, которые не ушли на фронт или в партизаны.

Печальная процессия, как единый безмолвный организм, покорно бредёт в сторону берёзовой рощи. Из-за заборов то тут, то там выглядывают односельчане-белорусы, замечают в колонне знакомые лица соседей, отворачиваются и безмолвствуют.

В толпе все узнают молодую женщину, местную учительницу. Она идёт с тремя детьми: девочки девяти и семи лет, и пятилетний мальчик. Дочки держатся за подол материнского платья, сына женщина несёт на руках.

Шествие следует через весь поселок и выплывает за город. На пригорке уже показался костёл. Учительница с детьми проходит мимо двора своей школы. В одно мгновение она решительным движением спускает с рук сынишку и вталкивает его в открытые ворота. Мальчика молча забирает и уводит какая-то крестьянка. Всё происходит стремительно и беззвучно. Конвоиры ничего не замечают. Односельчане молчат. Ребёнок, испуганно оборачивается на мать, но не произносит ни звука. Мать нежно глядит ему вослед. Немая колонна продолжает движение...

Шум мотора прерывает поток воспоминаний. Из-за поворота дороги показывается чёрный седан, подъезжает к мужчине и останавливается. Водитель – паренёк лет двадцати – глушит двигатель и выходит из машины.

– Саба, прибыл по расписанию! – бодро рапортует он, но видя настроение деда, садится рядом, обнимает старика за плечи и замолкает.

– Говорил с мамой... сестрёнками, – мужчина, всё ещё находится в своих мыслях. – Прощения просил, что долго не навещал. На всякий случай простился... приеду ли ещё...

Парень помогает деду подняться и провожает до машины.

– Пора в аэропорт, дедуль. На рейс до Тель-Авива я нас

уже зарегистрировал, – произносит он, глядя в зеркало заднего вида.

– У тебя мамины глаза. Я всю жизнь храню её взгляд, полный нежности и надежды, что хотя бы я... Он всегда давал мне почувствовать себя маленьким и сильным...

*«Тислах ли бевакаша», «антшудикт», «тода раба», «аданк» – «Простите пожалуйста», «спасибо» – (иврит, идиш).